

**Система полицейского надзора
за политическими ссыльными на территории Иркутской губернии
в 1860–1870-х гг.: проблемы становления**

Настоящая статья посвящена анализу проблем организации гласного и негласного полицейского надзора за политическими ссыльными, размещенными на территории Иркутской губернии в 1860–1870-х годах. На основании ранее не публиковавшегося архивного материала автор последовательно рассматривает некоторые важнейшие составляющие надзора – водворение ссыльных, организацию их учета, создание эффективного контроля за перепиской и корреспонденцией. Рассматриваются и анализируются трудности становления надзора, в том числе недостатки уголовного законодательства, невнимание государства к штатам экспедиций о ссыльных, некомпетентность и неподготовленность полицейских чиновников. Автор приходит к выводу о том, что в исследуемый период система надзора за политическими ссыльными на территории Иркутской губернии только складывалась, а потому имела множество недостатков.

Ключевые слова: гласный полицейский надзор, политические ссыльные, администрация Иркутской губернии, контроль за корреспонденцией.

A. A. Ivanov

**System of police surveillance for political exiled in the territory
of the Irkutsk province in the 1860–1870th: formation problems**

The present article is devoted to the analysis of problems of the organization of public and secret police surveillance for the political exiled placed in the territory of the Irkutsk province in the 1860-1870th years. On the basis of earlier not published archival material the author consistently considers some major components of supervision – a settlement of exiled, the organization of their account, creation of effective control behind correspondence and correspondence. Difficulties of formation of supervision, including shortcomings of the criminal legislation, an inattention of the

state to states of expeditions about exiled, incompetence and unpreparedness of police officers are considered and analyzed. The author comes to a conclusion that during the studied period the system of supervision of political exiled in the territory of the Irkutsk province only developed, and therefore had a set of shortcomings.

Keywords: public police surveillance, political exiled, administration of the Irkutsk province, control of correspondence.

Амнистия 1856 года коренным образом изменила численность и структуру политической ссылки Иркутской губернии. Большая часть доживших до этого события государственных преступников – так официальная историография именовала декабристов – в короткий срок вернулись в Европейскую Россию. За ними последовало несколько сотен польских политических ссыльных, участников восстания 1831 г. В 1857 г. в пределах губернии фиксировалось всего четыре преступника: потомственный дворянин А.В. Поджио, находившийся на поселении с 20 июня 1839 г., дворянин В.А. Бечаснов, казак П.Л. Братчиков, которому по манифесту было даровано возвращение на родину, но он еще находился в Иркутске и дворянин Д. Таптыков, проживавший в Балаганском округе*.

Кроме «дворянских революционеров» здесь жили и амнистированные петрашевцы. Это Ф.Н. Львов, с февраля 1858 г. служивший в Главном управлении Восточной Сибири, Н.А. Спешнев, назначенный в 1857 г. начальником газетного стола Иркутского губернского правления, а затем редактором газеты «Иркутские губернские ведомости» и сам М.В. Буташевич-Петрашевский, живший в основном частными уроками. Однако они быстро покинули пределы Иркутской губернии: Н.А. Спешнев в начале 1860 г. выехал с Н.Н. Муравьевым в Петербург, в феврале этого же года Петрашевский был выслан М.С. Корсаковым в Минусинск, а Ф.Н. Львов, после пребывания в Олонках у В.Ф. Раевского, в 1863 г. выехал за пределы Сибири [1, с. 75–90].

Колонии «невольных гостей Сибири» опустели. Однако уже с начала 1860-х годов в регион попадают новые ссыльные. В этот период на территории Иркутской губернии нами отмечено едва ли больше 30 «политиков». В 1870-е их число увеличилось, но

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 466. Л. 34.

оставалось также незначительным – порядка 80–90 человек. Малочисленность ссылки коренным образом изменило польское Январское восстание 1863 г. Его подавление вновь наполнило «места удаленные». Так, только в пределы Иркутской губернии с 1863 по 1867 гг. поступило, по нашим подсчетам, не менее трех тысяч польских повстанцев. С начала 1880-х, с введением Положения о чрезвычайной и усиленной охране, резко увеличились масштабы ссылки и российских революционеров [2].

Стремительное увеличение количества ссыльных потребовало от иркутской губернской администрации быстрого принятия адекватных мер – в короткие сроки, на громадной территории губернии, требовалось создать систему всеобъемлющего контроля, которая поставила бы прочный барьер возможным побегам ссыльных, их тайным отношениям с местными жителями, связям с Европейской Россией, несанкционированным перемещениям внутри региона. Настоящая статья посвящена проблемам организации гласного и секретного надзора на территории Иркутской губернии в 1860–1870-х гг. Подобных публикаций в отечественной историографии нет, что делает ее публикацию значимой, своевременной и актуальной.

Первые же партии политических преступников, поступавшие в Сибирь из центра страны, быстро выявили недостатки как российского законодательства, так и неподготовленность региональных органов власти. Прежде всего, здесь следует отметить отсутствие хорошо продуманной и эффективной системы управления ссылкой на государственном и местном уровне. Организация «ссыльного дела» была по-прежнему рассредоточена между Комитетом министров, Государственным Советом, Департаментом полиции, Министерствами внутренних дел, государственных имуществ и финансов, Отдельным корпусом жандармов, 2-м Сибирским комитетом. Соответственно на территории Сибири политический ссыльный контролировался: Тобольским (с 1870 г. Тюменским) приказом о ссыльных, Иркутской экспедицией, губернским попечительным о тюрьмах комитетом, гражданским губернатором и генерал-губернатором, Главным управлением Восточной Сибири, Иркутским губернским жандармским управлением, городским или уездным Охранным отделением, иркутским полицмейстером или окружным полицейским приставом на месте причисления. Такое обилие разнород-

ных служб неизбежно усложняло задачу эффективной работы с политическим ссыльным, вело к несогласованности и всякого рода межведомственным трениям, и, как следствие, – к отсутствию единообразного, хорошо отлаженного учета и надзора.

Проблемы организации учета ссыльных. Полицейский надзор за ссыльными требовал их точного и оперативного учета, а это, в свою очередь, подразумевало наличие хорошо отлаженной, обеспеченной кадрами и финансами системы периодической отчетности снизу доверху. Между тем проблемы с организацией «ссыльной статистики» проявляли себя задолго до поступления политического ссыльного на территорию Иркутской губернии. Как известно, каждый ссыльный – и уголовный, и политический – попадал в сибирскую ссылку через Тобольский (Тюменский) приказ. Именно приказ принимал, распределял и отправлял арестантов по всей Сибири, санкционировал их перемещение внутри региона. Кроме этого Приказ проверял сопроводительные, партийные и статейные списки, организовывал своевременную отправку личных денег, следил за снабжением одеждой и довольствием, вел переписку с экспедициями о ссыльных, в частности, с Иркутской.

О масштабах нагрузки на Приказ свидетельствуют подсчеты чиновника особых поручений Главного управления Западной Сибири титулярного советника Ф. Тыжнова. Согласно его данным, за 1823–1858 годы через Тобольский приказ прошло не менее 289 123 ссыльных, в числе которых были и политические. [3, с. 16]. Вполне естественно, что такой поток требовал увеличения штатов и коренной перестройки в деле организации делопроизводства, однако это происходило медленно и неэффективно. В итоге партии ссыльных нередко отправлялись без надлежаще оформленной сопроводительной документации, что значительно удлиняло путь от Тобольска до Иркутска. Иркутское губернское правление вынуждено было задерживать подобные партии дольше положенных сроков, а это во много раз увеличивало время, проводимое арестантами в пути к месту назначения и не могло не вызывать их недовольства.

Хронические задержки партий с арестантами приводили и к переполненности тюрем. Тюремные замки, рассчитанные лишь на постоянное содержание преступников, использовались как пересыльные. К примеру, в мае 1874 г. в один день в Иркутском

тюремном замке, рассчитанном на 400–450 мест, содержался 1481 человек, в том числе 968 пересыльных*. Как следует из отчета Иркутского губернатора, к примеру, в 1875 г. в Нижнеудинской тюрьме, выстроенной на 200 человек, размещалось около 400 пересыльных, а в Александровской вместо 630 арестантов было немногим меньше тысячи**.

Иркутская экспедиция, распределявшая государственных преступников в Якутию и Забайкалье, также вела свой учет ссыльным, однако по ряду обстоятельств эта практика была крайне затруднительна. Одна из причин заключалась в самой ссылке, в ее постоянно «текущем» состоянии – многие «политики», как правило, неоднократно меняли места поселений: некоторые долгое время проводили в городе, находясь «на излечении», другие брали «отпускные билеты» и нанимались на горнодобывающие предприятия региона, на строительство городских зданий и дорог. В качестве примера постоянного движения ссыльных, рассмотрим статейный список Н.М. Владимиров. Из документа следует, что Владимиров Николай, бывший почетный гражданин, «по высочайше утвержденному мнению Государственного Совета, за пособничество лондонским пропагандистам и участие в распространении преступных их сочинений, был лишен всех прав состояния и сослан в Сибирь навсегда», затем причислен к Анциферовской волости Енисейского округа, далее по прошению, утвержденному распоряжением генерал-губернатора Восточной Сибири от 5 ноября 1865 г., отправлен на поселение в Иркутскую губернию; прибыв в Иркутск 26 декабря 1865 г., 22 января 1866 г. отправлен в Оёкскую волость; затем, уже 20 мая 1866 г., переведен в Илгинскую волость, потом 3 апреля 1871 г. перечислен в Уриковскую, где ему, на основании высочайшего повеления от 13 мая 1871 г., были возвращены права прежнего состояния. Далее Н.М. Владимиров «пребывал» в Иркутске, а в августе 1876 г., освобожденный из-под гласного надзора полиции, выехал в г. Екатеринбург Пермской губернии***.

Приведенный пример является, скорее, типичным, чем исключительным, однако у Иркутской экспедиции о ссыльных

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 70. Л. 40.

** Там же. Д. 716. Л. 10.

*** Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 44. Л. 14–15.

была и еще одна причина, существенно затруднявшая сбор сведений о политических – опустошительные городские пожары лета 1879 г., в результате которых многие архивы Министерства внутренних дел были безвозвратно утрачены, что значительно затруднило дальнейшую работу экспедиции. Проиллюстрируем последствия этой трагедии на конкретном примере. Так, в августе 1880 г. возникла ведомственная переписка по прошению государственного преступника Петра Баллода, просившего причислить его в крестьяне Илгинской волости. На запрос военного губернатора, каким образом следует разрешить эту просьбу, Иркутское губернское правление «имело честь донести», что «так как все дела и бумаги сего правления за прежнее время пожаром, бывшим в г. Иркутске 24 июня 1879 года истреблены, то и ... не представляется никакой возможности» собрать сведения о Баллоде. «Но имея в виду, что названный ссыльный в 1879 г. по высочайшему повелению уже освобожден от надзора полиции и исключен из числа государственных преступников», «правление полагало бы переписку, возникшую о причислении его в крестьяне Илгинской волости, оставить в окончательном положении» (надо полагать, прекратить, и удовлетворить прошение. – А.И.)^{*}.

Подобных дел, где решалась судьба ссыльного лишь по косвенным свидетельствам, было немало, если же принять во внимание, что вместе с десятками ведомостей о государственных преступниках, огнем были уничтожены и тысячи сопроводительных листов польских политических ссыльных, а также десятки тысяч дел на уголовных, то станет понятен и масштаб потерь, понесенных Иркутской экспедицией о ссыльных от пожаров 1879 года. Дальнейшая судьба иркутской части архива Министерства внутренних дел также печальна: то, что уцелело при пожарах или было восстановлено в 1880–1900-е годы, пропало в ходе революций и Гражданской войны – немалую долю своих архивов жандармы успели сжечь в начале марта 1917 г., часть документов была изъята представителями Советской власти в 1920 г. и использовалась для поиска провокаторов и агентов Охранного отделения, а затем, по всей видимости, перешла в распоряжение ОГПУ.

^{*} ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 146. Л. 3–3 об.

Проблемы водворения. Как видим, организация систематического учета ссыльных была трудоемкой и сложной задачей, требовавшей постоянного внимания властных структур губернии. Между тем сбор сведений о политических преступниках являлся важнейшей, но далеко не единственной частью надзора – прежде всего, ссыльных необходимо было «принять», «проверить на лицо», убедиться в сохранности выданного им в Тобольске казенного имущества и своевременно отправить к месту причисления.

В 1860–1870-х годах государственных преступников везли Московско-Сибирским трактом в составе уголовных партий или отдельно, но всегда в сопровождении жандармского офицера и одного-двух нижних чинов, которым предписывалось не только предпринимать все меры противодействия побегам, но и следить за тем, чтобы ссыльные «политики» как можно меньше привлекали к себе внимания местного населения.

Этапирование ссыльных было делом весьма затратным. На территории Иркутской губернии в 1877 г. действовало 28 этапов и полуэтапов. Каждую этапную команду возглавлял обер-офицер, имелись унтер-офицеры, ефрейторы и рядовые – всего 686 служащих, в том числе 3 фельдшера. Конвойная команда препровождала партию до соседнего этапа, где сдавала арестантов начальнику во время дневки, принимая от него ссыльных, пересылаемых в обратном направлении. В 1881 г. этапных зданий в губернии было уже 29, из которых на Московском тракте – 26, Амурском – 2 и Кругоангарском – 1. «Большинство этапов требует капитальных поправок», – указывалось в отчете Иркутского военного губернатора за этот год*.

Согласно маршрутной этапной карты по Забайкальской области, путь арестантов от берега Байкала до Верхнеудинска состоял из 8 этапов и полуэтапов. Самое большое расстояние пути было на перегоне Ильинский – Уточкинский – 34 версты, самое незначительное – перед Верхнеудинском – всего 15 верст. В среднем длина одного этапного перегона в Иркутской губернии и Забайкальской области составляла 20–25 верст. Именно столько партия каторжан могла пройти за световой день.

* ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 353. Л. 43, 62 об. - 63; Томские губернские ведомости. 1882. № 40.

Путь от Верхнеудинска тянулся дальше до Нерчинского. Это еще 25 этапов и полэтапов. После Нерчинска за Ключевской дорога раздваивалась: северная шла через Сретенск, Шилкинский до Усть-Карийского – 8 этапов; и южная – через Кавыкучи-Ундинский – Больше-Зерентуйский – еще девять. В рассматриваемый период партии ссыльных от Иркутска в сторону Нерчинска отправлялись один раз в две недели. Для препровождения арестантов с 1878 г. были образованы 12 конвойных команд, численностью от 27 до 32 нижних чинов каждая. Общая численность всех конвойных в Забайкалье составляла 11 офицеров и 369 нижних чинов*.

Нередко конкретные обстоятельства заставляли отправлять политического ссыльного сугубо индивидуально, не дожидаясь общей партии, что еще более обременяло казну. Например, в конце сентября 1881 г., выполняя решение Верховной распорядительной комиссии, Иркутское губернское правление вынуждено было срочно доставить народовольца И.В. Аптекмана в Якутск. Специально только для его сопровождения были назначены два унтер-офицера. Вот как были расписаны расходы этого предприятия: «От г. Иркутска до г. Якутска считается 2818¼ верст. За это расстояние причитается: прогонов в передний путь, по случаю распутицы, на четыре лошади и в обратный путь двум конвоирам, также по распутице на 3 лошади – 862 руб. 96 коп.; порционных жандарму Кравченко в оба пути, полагая по 1 коп. на версту – 65 руб. 36½ коп.; унтер-офицеру Оловянникову – кормовых также в оба пути за 76 суток, полагая по 75 верст в сутки – 18 руб. 22 коп. и в кормовое довольствие Аптекману, как лицу простого звания, 5 руб. 40 коп.» Смотрителю Иркутского тюремного замка следовало далее «выдать Аптекмана с выключкой из списков замка под расписку жандарму Кравченко, проверив предварительно натуральные приметы Аптекмана с приметами, описанными в статейном списке и фотографической его карточкой, а также выдать Аптекману необходимую одежду»**.

Если «политики» доставлялись к месту причисления не индивидуально, а в составе этапа с уголовными, движение таких

* Забайкалье: Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск, 1891. С. 52.

** ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 120. Л. 16–18.

партий требовало особого контроля: отправляющая сторона обязательно уведомляла сторону принимающую. Например, в начале сентября 1882 г. Енисейское губернское правление уведомяло Иркутскую экспедицию о ссыльных, что «с 28 августа из города Красноярска в партии уголовных арестантов при статейных списках и фотографических карточках следуют государственных преступники: Владимир Жебунев, Николай Ааронский, Александр Кирхнер, Иван Майнов, Владимир Демьяновский и Василий Панкратов». При прохождении такой партией Нижнеудинска, местный исправник отправлял в Иркутск телеграмму, например, такого содержания: «29. IX. 1882. При партии № 30, отправленной 19 сент., следуют гос. преступники: 3 муж., 1 жен., № 31 отправкой 26 сент. – 6 муж.»*.

Ссыльных, прибывавших в пределы Иркутской губернии с Московского тракта, размещали в Александровской центральной, Александровской пересыльной (с 1887 г.), а также в Иркутской пересыльной и губернской тюрьмах. Согласно «Инструкции о порядке приема, отправления и препровождения ссыльных по Восточной Сибири», утвержденной генерал-губернатором бароном П.А. Фредериксом 13 июня 1876 г., ссыльные должны быть приняты высшим полицейским чином (в Иркутске – полицмейстером) или его помощником при начальнике этапной команды, смотрителе острога и члене тюремного отделения. При приеме проверялись «натуральные приметы ссыльных и подсудность со статейными списками». Заведующий тюремной больницей или фельдшер также осматривали прибывших, больные помещались отдельно от здоровых в тюремные лазареты.

Статья 25-я инструкции предусматривала, чтобы «распоряжающиеся отправлением арестантов, сдавали партии с полным комплектом документом», (общий распределительный список, статейный список, особая на каждого арестанта записка о собственной одежде, маршрут следования партии), а в статье 86-й подчеркивалось, что «Иркутская экспедиция о ссыльных не должна задерживать их «в Иркутске далее 6 дней, назначенных для расстаха, исключая случаев по особым распоряжениям начальства, и всякая задержка долее указанного срока, должна падать на ответственность экспедиции». Следует заметить, что оговоренные правилами шесть суток соблюдались далеко

* ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 440. Л. 7.

не всегда, со временем, когда число ссыльных партий увеличилось, удлинилось и время содержания в пересыльных тюрьмах*.

В 1860–1870-х годах судьбу каждого ссыльного, поступавшего в пределы губернии, решал генерал-губернатор «по представлению» Иркутской экспедиции о ссыльных, а позднее – губернского тюремного инспектора. При этом конкретное место поселения определялось заранее, задолго до прибытия преступника. Это хорошо видно на примере того, как происходило причисление Марка Натансона, высланного в Восточную Сибирь в административном порядке по делу «Общества друзей». Распоряжение о высылке по «Высочайшему повелению» было принято 29 ноября 1878 г., когда Натансон содержался в Петропавловской крепости, 19 декабря он был передан в распоряжение петербургского градоначальника для отправки в ссылку, а уже 7 февраля 1879 г. генерал-губернатор Восточной Сибири уведомил иркутского военного губернатора о своем решении назначить местом жительства «мещанину М. Натансону город Верхоленск». При этом он покорнейше просил «по прибытии в Иркутск означенного лица распорядиться немедленным отправлением в назначенное место жительства и об учреждении там за ним «действительного и строгого надзора полиции»**.

Натансон поступил в Иркутск только 2 декабря 1879 г., что следует из донесения смотрителя иркутского тюремного замка – «в пешей обыкновенной арестантской партии с Московского тракта», и 16 декабря был «отправлен по назначению». Через три дня, уже верхоленский окружной исправник докладывал о прибытии Натансона «за конвоем жандармского унтер-офицера Забалотского и казака Кузнецова 19 декабря в Верхоленск и водворении его на жительство»***. При этом из казенной одежды при ссыльном оказались: «1 шапка, 1 кафтан, 2 рубахи, 2 портов, 1 мешок, 1 коты. Собственных денег 47 рублей»****.

Значительное увеличение количества ссыльных после событий 1863 г. потребовало от Санкт-Петербурга расширения шта-

* Инструкция о порядке приема, отправления и препровождения ссыльных по Восточной Сибири, принятая к исполнению и подписанная генерал-губернатором бароном Фредериксом 13 июня 1876г. Иркутск, 1876. С. 45, 60.

** ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 20. Л. 1–2.

*** Там же. Оп. Оц. Д. 36. Л. 20–30.

**** Там же. Д. 60. Л. 32.

тов Иркутской экспедиции, однако этого не происходило и на протяжении исследуемого нами двадцатилетнего периода, штаты оставались практически неизменными. Незначительное увеличение числа чиновников экспедиции можно зафиксировать только среди низшего звена ее сотрудников – т. н. «писцов», что вполне объяснимо возросшим объемом переписки. В 1879 г. штатное расписание чином Иркутского губернского правления, занимающимся по делам, касающимся тюремной части, ссылки и пересылки арестантов, выглядело следующим образом: советников – 1, делопроизводителей – 2, помощников делопроизводителя – 2, ревизоров поселений – 2, смотрителей поселений – 2, писцов – 4, секретарь – 1, а всего 14 служащих*.

Экспедиция делилась на два стола. В первом было сосредоточено делопроизводство об управлении «ссылным делом», во втором – бумаги о самих ссылных: дела о «выдаче пособий, собственных денег, о приюте детей их, об отпуске денег на содержание в больницах», а также ведение отчетности «за экономический капитал, исключение из оклада податей, обложение таковыми и об арестантской одежде»**.

Штатное расписание не было догмой для Иркутского губернского правления и варьировалось в зависимости от конкретных обстоятельств. Так, смотрители поселений вместо выполнения своих прямых обязанностей, заведовали: первый – «делами собственно по распределению ссылных, так как столоначальник 1-го стола со своим помощником» едва мог «управляться с делопроизводством об увольнении каторжных от работ, о назначении в работы осужденных в Иркутской губернии, о перечислении ссылных из одного места в другое, о возвращении их на работу по разным случаям и т. д.»; второй – был дан в помощь первому, чтобы вести «громоздкое делопроизводство»: распределять партии ссылных, в том числе и политических, составлять предписания в отношении тех мест, куда ссылные причислены, переписывать представления к высшему начальству о назначении мест жительства окончившим свои сроки, а также следить о доведении до них «разных распоряжений». Таким же образом экспедиция поступала и со ставками ревизоров поселений. Их жалованье было «употреблено» на привлечение

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 75. Л. 6.

** Там же. Л. 6 об.

вольнонаемных служащих, которые «необходимы для ведения алфавитов ссыльным, для переписки журнальных постановлений, для ведения входящего и исходящего журналов и т. п. так как 4 писца постоянно заняты» и загружены сверх меры*.

Как видим, экспедиция брала на себя в основном «бумажную часть» общего дела, причем ведала, в большей степени, уголовными ссыльными, которых на территории губернии было всегда много, например, только в 1866 г. здесь числилось 38 752 человека [4].

Штатных единиц Иркутской экспедиции всегда не хватало, при этом объем переписки постоянно увеличивался. Взять, к примеру, назначение денежного пособия ссыльным (от 70 до 100 рублей в год для исследуемого периода). Эта процедура порождала целые тома межведомственной переписки: сначала политический на месте причисления обращался к становому заседателю с просьбой о назначении пособия «по недостатку средств существования». Заседатель делал отношение окружному полицейскому приставу, тот, в свою очередь, – в экспедицию о ссыльных. Там прошение анализировалось и с необходимым комментарием отправлялось на «благоусмотрение» гражданского губернатора. Тот, как правило, предлагал экспедиции выяснить, есть ли у данного ссыльного источники к существованию на родине. Тогда Иркутская экспедиция делала официальный запрос в городское или сельское правление по прежнему месту жительства и по его итогам, уже принималось соответствующее решение.

Постоянная переписка отвлекала не только силы экспедиции, но и требовала большого времени. Нередко она длилась около года и более, и все это время ссыльный оставался без пособия. Вот конкретный пример: государственный преступник М. Колосов поступил в село Тунка Иркутского округа 26 октября 1884 г. и сразу же подал прошение о пособии. После прохождения всей ведомственной цепочки, 30 января 1885 г. Иркутская экспедиция отправила соответствующий запрос в экспедицию о ссыльных Пермского губернского правления и только 31 мая 1885 г. получила ответ: «на отношение за № 67 экспедиция о ссыльных имеет честь уведомить губернское правление, что после ссылки в Сибирь Михаила Колосова имущества или дохо-

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 75. Л. 6 об.

дов, которыми он мог бы существовать в ссылке без пособия от казны, в прежнем месте жительства его никакого не осталось». Далее переписка «раскручивалась» уже в обратном направлении – из Иркутска на место причисления, что опять же занимало много времени. И так по каждому ссылкеному, нуждавшемуся в пособии*.

При выборе места поселения учитывалась степень потенциальной опасности ссылкеного для общества, количество уже проживавших рядом ссылных, а также материальное и семейное положение «политика». Как правило, государственных преступников старались не селить в промышленных центрах и рабочих поселках. Иркутск – вообще был для них под запретом. В 1878 г. генерал-губернатор распорядился, «в виду значительного скопления в городе и округе его всех категорий ссылных, многие из которых оказывают крайне вредное влияние на нравственность населения, чтобы на будущее время ни под каким предлогом не делалось новых причислений ни в город Иркутск к мещанскому обществу, ни в округ его к сельским обществам всех категорий ссылных, осужденных как за уголовные, так и за политические и государственные преступления»**.

Несмотря на усилия властей, колония ссылных в Иркутске неуклонно увеличивалась, что происходило, главным образом, за счет притока сюда ссылных, закончивших сроки формального надзора в отдаленных местах и получивших право свободного перемещения по губернии, но остававшихся еще «не въездными» в Европейскую Россию, или тех, кто попал под указ («повеление») о частичной амнистии, но по каким-то причинам не мог немедленно вернуться на родину. Распоряжением генерал-губернатора от 20 мая 1878 г. таким ссылкеным «признавалось возможным остаться в Иркутске, но не долее как в течение трех месяцев и только по случаю болезни, более или менее обширным торговым занятиям и т. п. уважительным причинам». При этом категорически запрещалось обращаться к начальнику края за повторной отсрочкой, как это было до этого***.

В сентябре 1878 г., в усиление запрета ссылкеным селиться в Иркутске, генерал-губернатор Восточной Сибири потребовал

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 137. Л. 89.

** Там же. Оп. 1. Д. 339. Л. 1.

*** Там же. Д. 275. Л. 7, 8.

от гражданского губернатора сделать также распоряжение, чтобы все прибывающие в Иркутск государственные преступники, следующие дальше на север или восток, «ни под каким предлогом не были освобождаемы» от кандалов. В случае же тяжелой болезни ссыльного и необходимости снятия оков, «всякий раз испрашивалось разрешение с представлением свидетельства доктора»*.

Трудности формирования системы надзора. Собственно, гласным надзором за каждым ссыльным на территории губернии занимались окружные полицейские управления. Постоянный контроль требовал большого числа различного рода и звания служащих. Между тем их штатное количество также было незначительным. Так, например, в 1870–1873 гг. Иркутское окружное полицейское управление состояло из одного исправника, его помощника и трех земских заседателей (или станowych приставов); Нижнеудинское имело окружного исправника и его помощника, двух полицейских и трех земских надзирателей; в Верхотенске располагался окружной исправник, помощник исправника, два станowych пристава, секретарь управления и канцелярский служитель; Киренское управление состояло из исправника, его помощника, двух земских надзирателей, секретаря и двух канцелярских служителей; в Балаганске был окружной исправник – «коллежский асессор Евфимий Андреевич Велигорский, за откомандированием которого в Канский округ Енисейской губернии, командирован к исправлению должности его причисленный к общему губернскому управлению коллежский асессор Федор Александрович Заборовский», помощник исправника, а также два станowych пристава**.

Как видим, на территории пяти округов губернии с населением в 350 тыс. жителей (1879 г.) имелось всего пять окружных исправников и их помощников, чуть больше десяти земских заседателей и несколько полицейских надзирателей. Правда, окружные полицейские управления имели также одного-двух столоначальников, письмоводителя, архивариуса и журналиста, однако данные чиновники к надзору за политическими

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 275. Л. 18.

** Памятная книжка Иркутской губернии на 1870 г. Адрес-календарь. Иркутск: Издание Иркутского губ. стат. комитета, 1870. С. 87–99; Памятная книжка Иркутской губернии на 1873 год. Адрес-календарь. Иркутск: Издание Иркутского губ. стат., 1873. С. 45–66.

ссылными имели лишь косвенное отношение, к тому же их места были часто вакантными.

Немногим лучше обстояли дела с полицейскими чинами и в городе Иркутске. В 1873 г. здесь имелся полицмейстер, его помощник, два следственных пристава, три полицейских пристава с шестью помощниками согласно частям города, а также небольшая канцелярия – явно недостаточно для более чем 30-тысячного Иркутска*.

Помимо полиции, гласный и тайный надзор за политическими ссылными осуществляло Иркутское губернское жандармское управление, однако его штаты в исследуемый период были еще меньше, чем у полиции. Так, в 1877 г. оно состояло из начальника, помощника и адъютанта; в 1881 г. – начальника, двух помощников и адъютанта. Окружной структуры у иркутских жандармов, в отличие от «простой» полиции, в 1860–1870-х годах еще не существовало, поэтому контроль за состоянием «политической благонадежности» в уездах и политическими ссылными осуществлялся ими лишь наездами – как правило, один из помощников находился в постоянных командировках, разбираясь с фактами нарушения режима надзора со стороны ссыльных (самовольными отлучками, фактами скрытой переписки и т. д.) [5, с. 72].

Несмотря на отсутствие значительных перемен в штатах экспедиции, полиции и жандармерии, некоторые изменения здесь все же происходили. Они отмечены в руководстве «ссылным делом» на уровне высшей администрации. Так, в ранге «состоящих при генерал-губернаторе» Восточной Сибири М.С. Корсакове, в 1865–1870 гг. появились новые должности, одна – «для надзора за политическими преступниками» (офицер в чине подполковника) и три – «для устройства быта политических ссыльных» (подполковник, майор и ротмистр). Однако, по всей видимости, все эти офицеры занимались размещением исключительно польских политических ссыльных**. Так, в феврале 1866 г. в Николаевский железодобывательный завод был командирован подполковник Де Витте, один из офицеров, состоящих при Корсакове, с целью «соображения на месте возможности к помещению в заводе возможно большего числа политических

* Памятная книжка Иркутской губернии на 1873 год... С. 43–44.

** Памятная книжка Иркутской губернии на 1870 г. ... С. 6.

преступников (поляков. – *А.И.*), осужденных в каторжную работу взамен обыкновенных ссыльнокаторжных». И таких свидетельств было немало. Во второй половине 1860-х годов эти офицеры исследовали винокуренные, горнодобывающие и солеваренные заведения в поисках «свободного» «каторжного труда» для ссыльных участников Январского восстания*.

Как видим, несмотря на постоянный приток политических ссыльных в переделы Иркутской губернии, штаты властных структур, призванных налаживать постоянный контроль за государственными преступниками, оставались малочисленными и по существу неизменными в течение всего исследуемого периода.

Итак, водворение политического преступника на место причисления закончено. С этого момента за ним устанавливался гласный надзор, смысл которого заключался в учреждении постоянного, «видимого и заметного» наблюдения: полицейский пристав обязан был знать точное место проживания ссыльного, и источники существования, располагать доподлинными сведениями о его политических пристрастиях и контактах с жителями, в первую очередь, с местной интеллигенцией, иметь исчерпывающую информацию о связях с такими же «политиками» из соседних сел, а также содержанию получаемой и отправляемой корреспонденции.

Создание системы постоянного контроля за политическими ссыльными требовало серьезного правового обучения чинов уездной (окружной) полиции и жандармерии. Их некомпетентность в деле надзора была очевидна, что вело к многочисленными нарушениями существовавшего законодательства. Доказательством нашему утверждению служит поступление в Иркутск (и, видимо, не только сюда) секретного циркуляра на имя генерал-губернатора от 23 мая 1878 г.: «До Министерства внутренних дел и III Отделения... – указывалось в документе, – неоднократно доходят сведения о крайне стеснительном положении лиц, состоящих под негласным или секретным надзором полиции. Из поступающих по сему предмету весьма часто жалоб ... очевидно, что такое положение подобных лиц является следствием недоразумения и неточного понятия, которое имеет полиция о различии между надзором гласным и надзором негласным или

* ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 58. Л. 7.

секретным». Далее в циркуляре описывался случай, как «в одной губернии местная полиция воспрепятствовала лицу, состоящему под секретным надзором, поступить на службу в частную компанию» и этим лишила его возможности «честным трудом снискивать пропитание семейству, заявив правлению компании, что лицо это находится под негласным наблюдением»*.

Во избежание подобных случаев и жалоб со стороны политических ссыльных, министр МВД генерал-адъютант А.Е. Тимашев «покорнейше просил» Восточно-Сибирского генерал-губернатора «преподать всем губернаторам и полицейским управлениям» разницу между гласным и негласным надзором: «*Гласный* надзор полиции, – указывал министр, – составляет последствие назначаемых судебными приговорами тяжких наказаний (в том числе, и ссылки. – А. И.), влечет за собой некоторые ограничения свободы, и не может оставаться тайной для лица, которое подчиняется такому надзору». Совершенно другой характер имеет надзор негласный: «он применяется при разрешении в административном порядке дознаний политического характера и служит только средством для временного наблюдения за обвинявшимся, но освобожденным от преследования лицом, в том случае, когда невиновность его возбуждает некоторые, хотя и слабые, сомнения, а правительство желает убедиться в безусловной политической его благонадежности»**.

Далее документ весьма подробно и доходчиво разъяснял основные принципы тайного контроля за политическим ссыльным: «...секретный надзор, как указывает и самое название, должен заключаться только в одном негласном наблюдении со стороны полиции, которое в свою очередь, должно оставаться строгой тайною как для лица, подвергнутого надзору, так и вообще для всех посторонних ведомств и частных лиц; в противном случае секретный надзор теряет и свое назначение, и никогда не достигнет результата, а лица, подчиненные ему, постоянно будут обращаться с жалобами на незаслуженные стеснения местной полиции...»***.

Иркутские губернские власти, сознавая важность полученного циркуляра, постарались как можно быстрее довести его

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 327. Л. 16.

** Там же. Л. 16 об.

*** Там же.

содержание до чинов городской и окружной полиции. Уже в конце мая, а также в течение лета 1878 г., последовал ряд распоряжений иркутскому губернатору и полицмейстеру о строгом разграничении «тайного» и «явного» надзора за политическими ссыльными, и о «неукоснительном» соблюдении порядка, исключающего появление «жалоб на стеснения»*. При этом генерал-губернатор обязывал «подлежащие учреждения» неуклонно исполнять возложенные обязанности, «под личную ответственность их», а в распоряжении от 24 мая 1878 г. главный начальник края «счел совершенно необходимым» сосредоточить руководство надзором в своих руках и установить правило, согласно которому «назначение места работ ссыльнокаторжным и места жительства ссылаемым на поселение и житье государственным преступникам», производилось бы каждый раз только с его разрешения по представлениям губернского правления**.

Приведенный материал свидетельствует о существовании определенного внимания центральных органов МВД к работе собственных структур в Сибири. Однако ликвидация некомпетентности полиции в надзоре за ссыльными не сопровождалась главным – увеличением ее штатов.

Процесс ужесточения отношения к политическими ссыльными, происходивший со второй половины 1870-х годов, шел не только «сверху», из Санкт-Петербурга, но и «снизу», из Иркутска. Например, для сбора максимально подробной информации о ссыльных, местные власти готовы были взять на себя даже часть функций жандармских органов. Так, в одном из инструктивных писем генерал-губернатором указывалось, что в обязательном порядке «полицейские чиновники должны иметь на местах поселения государственных преступников своих агентов в лице сельских начальников, хозяев квартир преступников и других лиц». Таким образом, в дело надзора вовлекались не только чины Министерства внутренних дел, но и представители органов крестьянского и городского самоуправления, мелкие торговые служащие, домохозяева. Так постепенно складывалась практика тотального наблюдения за жизнью ссыльных на территории губернии***.

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 327. Л. 3–4.

** Там же. Л. 5–12.

*** Там же. Л. 13.

Трудности в организации надзора на большом пространстве, а также все возрастающие размеры политической ссылки, послужили причиной появления у правительства планов «компактного» сосредоточения государственных преступников в отдельных местностях Восточной Сибири, и в частности, в Иркутской губернии. В фонде Иркутского губернского правления (ГАИО, ф. 32) сохранилось дело «Об устройстве колоний на территории Иркутской губернии для ссыльных...» за 1878 г. В нем имеется копия высочайшего повеления, «последовавшего» 8 августа 1878 г. о ссылке в Восточную Сибирь и водворении здесь лиц, обвиняемых в государственных преступлениях. В рукописной копии с указа, сделанной, по всей видимости, в канцелярии генерал-губернатора, в п. 2 читаем: «...высланных под надзор полиции в разные местности империи неблагонадежных личностей, водворять в Восточной Сибири», а в п. 4: «...для охраны и надзора ссыльной колонии в Восточной Сибири учредить достаточно сильную числительностью и исправно вооруженную команду, с подчинением оной местному губернатору»*.

Отметим, что многочисленная команда охранников, несмотря на указ государя, так и не была создана, но генерал-губернатор Восточной Сибири во второй половине 1878 г. предписал губернаторам «войти в соображение, какие именно местности ... могли быть избраны для колонизации лицами, указанной категории». Далее в деле имеется записка от Иркутского губернского статистического комитета, предлагавшая для поселения «политиков» использовать следующий район: «юго-западная граница Балаганского округа с северо-западной Иркутского округа, в долинах реки Большой Белой при слиянии ее с рекой Урик, ближайший населенный пункт – улус Аларских инородцев Боинкурский (нрзб.)». Отмечалось также, что в этом районе иных населенных мест нет, кругом тайга, что не даст ссыльным возможности распространения своей пропаганды на сибирских жителей**.

Предложение не получило поддержки у генерал-губернатора, который раскритиковал записку и, в частности, заметил, что «государственные преступники должны водворяться особыми колониями не в пустынных, нежилых местностях, но в отда-

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 297. Л. 1–2.

** Там же. Л. 3–4.

ленных, изолированных по возможности селениях, населенных элементом, на который не могла бы иметь влияние пропаганда ссыльных». Тогда статистический комитет предложил устроить колонию в «заштатном городе Илимске» или «селе Косо-степском»*. Как шла реализация данных проектов – об этом в деле материалов нет, однако с уверенностью можно сказать, что ни в исследуемый нами период, ни позднее, колоний для политических ссыльных на территории губернии устроено не было, хотя попытки предпринимались неоднократно (например, 1910–1913 гг., о. Ольхон на Байкале).

Контроль за корреспонденцией ссыльных. Одним из главных элементов гласного полицейского надзора был контроль связями политических ссыльных, и в первую очередь, за корреспонденцией. Возможность ведения переписки с родными и товарищами, оставшимися в Европейской России, имела огромное значение, это был, пожалуй, и единственный источник достоверной информации, и канал для связей с партийными группами и общественными формированиями в России, с центрами помощи политическим заключенным за рубежом.

Губернские власти стремились к созданию постоянного контроля за перепиской государственных преступников. При этом руководством к действию должна была быть статья 737-я Устава о ссыльных в редакции 1857 г., которая позволяла «прием писем и посылок для отправления с почтами для тех ссыльнопоселенцев, которые по миновании узаконенного срока действительно водворившись, выйдут из ведомства Экспедиции о ссыльных и поступят в общую зависимость земских управлений, за исключением токмо таковых, кои по распоряжению правительства, состоят под особым надзором полиции»**. Однако данное положение, во-первых, разрабатывалось в большей мере для уголовных ссыльных и разрешало переписку как раз тем, которые уже не состояли под гласным надзором полиции. А во-вторых, статья очевидно в принципе запрещала любые почтовые связи для политических ссыльных, а это было как трудноосуществимым, так и нецелесообразным (например, денежные переводы необходимы были ссыльным всех категорий).

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 297. Л. 13, 22.

** Устав о ссыльных в издании 1857 года // ПСЗРИ. Т. XIV. СПб., 1857. С. 106.

Известно, что в «декабристский период» корреспонденция государственных преступников проходила исключительно через канцелярию генерал-губернатора. При этом высшее должностное лицо губернии несло всю ответственность за всеобъемлющий характер этого надзора. В 1860–1870-е годы, когда количество политических ссыльных значительно увеличилось, от центральных и местных властей потребовалась организация менее затратной, но столь же эффективной системы наблюдения за их перепиской.

Контроль за корреспонденцией политических ссыльных складывался постепенно и начинался еще в дороге, задолго до прибытия преступника в пределы Иркутской губернии. При отправлении партий арестантов начальник конвоя должен был предупредить «политических», что «все письма, написанные ссыльными в пути, отбираются от них начальником конвоя и, по прибытии в первый попутный губернский город, вручаются местному губернатору, который по прочтении их, или отправляет по адресу, или же, в случае каких-либо сомнений и подозрений», пересылает в жандармское ведомство на дальнейшее распоряжение*.

После водворения государственных преступников, сосланных на житье и поселение, на места причисления, незамедлительно устанавливалась система постоянного контроля за любыми их связями с Европейской Россией. Так, почтовая и телеграфная переписка производилась не иначе как с ведома главного местного полицейского начальника, под наблюдением которого они состояли, т. е. полицмейстера в Иркутске и исправника – в уезде. При этом почтовые конторы и телеграфные станции обязывались корреспонденцию на имя «политиков» представлять чинам полиции, которые, по рассмотрении писем, разрешали передачу их по принадлежности или задерживали. Изъятая корреспонденция отправлялась на усмотрение губернатора**.

Если корреспонденция следовала со стороны ссыльных, она также представлялась местному полицейскому начальству, которое опять же разрешало отдачу оной на почту, «а в случае предосудительного содержания, задерживало» и отправляло в Иркутск. Генерал-губернатор предписывал объявлять это прави-

* ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 16. Л. 104.

** Там же. Л. 3–3 об.

ло каждому ссыльному и непременно указывать, что нарушение предписания, «даже если он передает свою корреспонденцию через другое, отъезжающее лицо, подвергнет его взысканию»*.

Обязательному просмотру чиновниками почтового ведомства и полицейскими приставами подлежали газеты, книги и журналы – вся печатная продукция, получаемая или отправляемая политическими ссыльными. При этом изымалась и научная, учебная или просветительская литература, ничего общего с делом «пропаганды в империи» не имевшая. Вот характерный пример: киренский окружной исправник 4 сентября 1878 г. доносил, что с почтой в адрес государственного преступника Михаила Чикоидзе получена посылка от Лидии Фигнер (родной сестры В.И. Фигнер. – А.И.), в коей было: «три тома истории английской революции сочинения Гизо и один том контрреволюции в Англии». Книги были изъяты исправником и отправлены на усмотрение губернатору Иркутской губернии. Там все содержимое посылки было конфисковано, а в уведомлении из губернского правления подчеркнуто, что «подлежат конфискации равно на будущее время все подобные сочинения», адресованные политическим ссыльным**.

Контроль за корреспонденцией политических каторжан был еще строже. Правила категорически запрещали им «посылать или отправлять от себя письма к кому бы то ни было» вообще. Предназначенная же для них корреспонденция предоставлялась почтовыми конторами напрямую губернатору «на предмет вскрытия их писем и препровождения открытыми тех из них, в коих не окажется ничего противного к надлежащему начальству, в ведении которого находятся преступники для передачи по принадлежности». Письма или «депешы», содержащие в себе, по мнению военного губернатора, «непозволительные выражения или заслуживающие внимание правительства», должны были отправляться в Санкт-Петербург, непосредственно в III Отделение»***.

Оставшиеся на месте «благонадежные» посылки и деньги, присланные поселенцам или каторжанам, отправлялись после губернатора в губернское правление, затем в экспедицию о

* ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 16. Л. 4.

** Там же. Л. 23, 28.

*** Там же. Л. 4.

ссылных, которая решала, что из полученного выдать, а что нет, руководствуясь при этом правилом: к выдаче подлежат только те посылки, «которые не составляют большой ценности и могут служить к пище и одеянию, а остальные» необходимо «возвращать обратно к приславшим». Также безапелляционно решалась судьба и денежных переводов: из полученных на имя ссылных денег следовало выдавать на первое обзаведение не более как до двух тысяч рублей (огромная, просто фантастическая сумма, которой у ссылных-«шестидесятников» и «семи-десятников», в отличие от некоторых декабристов, никогда и не было. – *А.И.*), а потом на содержание ежегодно не более как до тысячи рублей, но и эту сумму выдавать не всю сполна, а помесячно*.

Перлюстрация ссылной корреспонденции занимала весьма длительное время, что было предметом недовольства и многочисленных обращений ссылных, адресованных в губернское правление или на имя генерал-губернатора Восточной Сибири. Вот, к примеру, письмо Льва Дмоховского, обращавшегося к полицмейстеру по поручению всей партии ссылных: «Получаемые на наше имя письма, посылки и проч. задерживаются в губернском правлении чрезвычайно долго. Было несколько случаев, когда письма передавались через месяц и более после получения их в губернском правлении. Такой способ [контроля. – *А. И.*], практикуемый вероятно и относительно писем, отправляемых нами, служит, по нашему мнению, причиной того, что большинство моих товарищей не получает до сих пор никаких известий от родных»**.

Далее Дмоховский просил полицмейстера обратить внимание на то обстоятельство, что переписка с домом это не только новости от близких, но и зачастую единственный источник получения материальной помощи, в которой большинство ссылных крайне нуждается. Он требовал, чтобы «письма подвергались просмотру тотчас же по поступлении их в губернское правление и затем в короткий срок отсылались по назначению»***.

Как видим, система организации контроля за корреспонденцией ссылных на территории Иркутской губернии имелась.

* ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 16. Л. 7.

** Там же. Л. 127.

*** Там же.

Однако на деле работала она плохо, неэффективно. Отметим здесь всего лишь две причины. Прежде всего, в 1860–1870-е годы система еще не носила тотальный характер – наблюдению подлежала переписка не всех государственных преступников, а только тех, у кого это «признавалось необходимым». Одно из предписаний генерал-губернатора предлагало «иметь именные списки государственным преступникам, чья корреспонденция подлежит просмотру, для сообщения их местным почтмейстерам и телеграфным станциям, а также подлежащему окружному полицейскому начальству...»*. При этом инструкция не разъясняла, на основании чего – настоящего неблагонадежного поведения ссыльного или его бурного революционного прошлого – следует составлять эти списки.

Второй недостаток системы контроля за корреспонденцией ссыльных, сводивший буквально к нулю все усилия иркутской полиции, заключался в том, что ограничение в переписке не распространялось на административно-ссыльных (не лишавшихся, как известно, многих гражданских прав), а также ссыльных, окончивших сроки надзора, но по каким-то причинам продолжавших жить на территории губернии либо приписавшихся к какому-либо городскому или сельскому обществу в качестве «крестьян из ссыльных» или «мещан из ссыльных» – закон беспрепятственно позволял им «принимать или посылать от себя письма родственникам и иным лицам». Таким образом, государственный преступник-каторжанин, ссыльнопоселенец, лишенный права переписки по суду, через административно высланных или ссыльных, окончивших свои сроки и размещенных в одном с ними населенном пункте, могли отправлять и получать практически бесконтрольно любую корреспонденцию, сводя на нет усилия по установлению «надежного» гласного надзора [6].

Подведем некоторые итоги. В 1860–1870-х годах масштабы политической ссылки на территории Иркутской губернии значительно увеличились, что потребовало от местных властей создания эффективной формы учета и надзора. Между тем организация «ссыльного дела» была по-прежнему рассредоточена между службами различных министерств и ведомств, что многократно усложняло задачу эффективного контроля, вело к несогласован-

* ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 16. Л. 5 об.

ности и всякого рода межведомственным трениям, и, как следствие, – к отсутствию единообразного, отлаженного надзора. Иркутским генерал-губернатором, гражданским губернатором, губернским правлением, общей и политической полицией были предприняты определенные шаги по установлению точного количества ссыльных, созданию системы периодической отчетности, контролю за перемещением и перепиской преступников.

Надзор за государственными преступниками как система мер по учету, водворению и изоляции, контролю за корреспонденцией и связями с Европейской Россией, а также предотвращению возможных побегов, на территории Иркутской губернии в исследуемый период только складывался и имел массу недостатков, связанных, в первую очередь, с несовершенством российского уголовного законодательства, недостаточным вниманием государства к проблемам сибирской полиции и жандармерии (штаты, денежное содержание), некомпетентностью местных чиновников. Большая и слабозаселенная территория губернии существенно затрудняла ведение надзора за политическими ссыльными, однако проекты обустройства специальных лагерей для их концентрации, остались не реализованными. Позитивные изменения в организации полицейского надзора происходили медленно, что не отвечало задачам своевременной и быстрой изоляции политических преступников.

Интересно отметить, что к такому же неутешительному итогу пришел и Александр II. Так, на докладе начальника Третьего отделения, содержавшем сведения об участвовавших попытках побегов политических ссыльных в Восточной Сибири с этапов и мест причисления, сделанном в ноябре 1879 г., государь «собственноручно соизволил начертать»: «весьма неприятно и доказывает, что настоящего надзора и там нет»*.

Список литературы

1. Дулов А.В. Петрашевцы в Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. 300 с.
2. Иванов А.А. Структура и численность политической ссылки Иркутской губернии 1870-х годов / Д.А. Мясников // Baikal research journal. 2016. Т. 7. № 4: Код доступа: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=20854>.
3. Малышева М.П., Познанский В.С. Сибирская ссылка в 20–50-е годы XIX века // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1990. Вып. 2. С. 16–19.

* ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 445. Л. 50.

4. Иванов А.А. Уголовная ссылка Иркутской губернии XIX века: численность, структура, использование // Известия Иркутской государственной экономической академии (БГУЭП) [Электронный журнал]. 2013. № 5. Код доступа: <http://eizvestia.isea.ru>.

5. Иванов А.А. Иркутские жандармы // Клио: Журнал для ученых. 2012. № 6. С. 69–77.

6. Например, вот, что писал начальник Иркутского губернского жандармского управления иркутскому губернатору от 1 марта 1888 г.: «Из поступающих в управление на просмотр писем политических преступников усматривается, что содержащиеся в Иркутском тюремном замке административно-ссылные ведут бесконтрольно переписку и посылают даже телеграммы в разные места таковым же ссыльным и ссыльнокаторжным государственным преступникам. Так, например, административно-ссылной Розой Франк была отправлена без разрешения 15 февраля телеграмма в Сретенск ссыльнокаторжному государственному преступнику Якубовичу, на каковую сретенская телеграфная станция ответила депешью на имя Розы Франк, что телеграмма ее за выбытием из Сретенска Якубовича не доставлена...» См.: ГАИО. Ф. 32. Оп. Оц. Д. 16. Л. 269.

УДК 94(571.5)

Л.В. Кальмина

Верхнеудинская тюрьма в структуре городских расходов в последней трети XIX в.

В статье в динамике рассматриваются затраты на верхнеудинскую тюрьму в структуре городских расходов и проблемы ее содержания в последней трети XIX в. – времени после принятия Городовых положений 1870 и 1892 гг.

Ключевые слова: Верхнеудинск, тюрьма, отопление, освещение, содержание, расходы, городская дума, полицейское управление.

L.V. Kalmina

Verkhneudinsk Prison as a Part of Town Expenses in the Last Third of XIX Century

The article describes expenses on Verkhneudinsk prison in town budget and some issues of its keeping in the last third of the XIX